

Золотая кассета Дмитрия Сухарева

Дмитрий Антонович Сухарев (Д.А. Сахаров) родился 1 ноября 1930 года в Ташкенте. Учился на биофаке Московского университета. Автор многих стихотворений (первый сборник в 1961 г.), нескольких музыкальных спектаклей. Известен также как автор книг и статей в области нейробиологии. Доктор биологических наук. Академик Российской академии естественных наук.

А друг рисует горы, далекие, как сон

Всем известно, что женщины совершенней мужчин. Иначе зачем бы мы так любили? В авторской песне превосходство женской организации выражено особенно наглядно.

Сомневаетесь? Тогда проделаем простой эксперимент. Положим на чашу весов все песни бардов-мужчин, от А до Я: Ампиллов, Анчаров, Бачурин и дальше до конца алфавита. На другую пусть ляжет пушинкой одна-единственная песенка одной-единственной женщины — А.Я.

Ты — мое дыхание,
Утро мое ты раннее,
Ты и солнце жгучее,
И дожди.
Всю себя измучаю,
Стану я самой лучшею,
По такому случаю
Ты подожди.
Па такому случаю
Ты пааа-дааа-жди.

Чаши качнутся, и мы своими глазами увидим, какая из них перевесит. Теперь убедилась?

Конечно, и барды-мужчины имеют свою какую-никакую нишу. Они превосходно утверждают ценности высшего, надличностного порядка: погоду, непогоду, патриотизм, всемирную отзывчивость. Еще лучше им удается работать образ. Уж до чего хорош бывает наш брат сибарит в роли каторжника — будто полжизни хрипел на лесоповале.

Но! Свежая прелесть румянца, горечь внезапной потери, стоны горячечной ласки, просто тепло, физический смысл которого понятен губам и ладони, — вот это первичное. То есть личное. То есть женское.

Кто-то незримый следит за тем, чтобы звёзды регулярно появлялись в той части бардовского небосвода, где господствует правда чувства.

Светила выстроились в линию, которая исходит из точки А.Я., — ведь до Ады Якушевой не было никого, ничего. Каждому из последующих десятилетий досталось по чистой и обаятельной, как Ада, звезде. 70-е — Вера Матвеева. 80-е — Ольга Качанова. 90-е сулят невиданный расцвет.

Наступит срок, узнаем имя той, кому суждено продлить эту нежную линию.

Не забудем, что есть в женской авторской песне другая, не менее блистательная генеалогия: Новелла Матвеева — Вероника Долина — Елена Казанцева. Здесь женская правда чувства служит не столько основой, сколько условием, доминирует же правда текста, то есть способность стихов к автономному сиянию, то есть мужская рука.

А еще толковательницы поющей поэзии — Елена Камбуrowa и артистично-аристократическая линия ее последовательниц.

Вернусь, однако, в исходную точку.

“Синие сугробы” проникли в МГУ раньше, чем мы услышали Адино имя.

Был конец 50-х. Мой биофак — зубастый, клыкастый, ревнивый ко всем песням, кроме собственных, был сражен наповал.

Скажешь —
Поймаю песню на лету,
Наши
Про нас чего-нибудь сплетут.
Только
Не в песнях дело тут моих,
Мне просто нравится,
как слушаешь ты их.

Многие думают, что барды способствовали эрозии тоталитаризма тем, что пели сатиру и вообще протестовали. Боюсь, дело обстояло не совсем так. Совсем не так. Номенклатура с приятностью щекотала себе нервы сочинениями фрондирующих авторов, чья гитара прилежно гасила в барвихинских пущах. Погибель таилась в сочинениях другого рода, безобидных с виду.

Независимо от субъективных намерений Ады Якушевой ее песни содержали субстанцию, убийственную для тоталитарного государства, — частность. Частный случай любви. Частность вообще. Тихая, бархатная революция. Ее плоды служат авторской песне по сей день.

Кто-то пытался втиснуть Аду в норму. Возможно, этим “кто-то” были ее собственные колебания. Вдруг появился альтернативный текст “Синих сугробов”. Вместо “Наши про нас чего-нибудь сплетут” в нем пелось: “Даже в нее поверю, как в мечту”. Подмена была эмблематичной. Мечта, верить в мечту, романтика — такой лапшой пользовались при исполнении служебных обязанностей функционеры из органов. Это был лексикон песен Пахмутовой, от него воротило.

Ада колебания отменяла. Не было силы, способной заставить Аду петь что-либо, кроме собственной любви. Внешне ее песни повествуют о разном. О зеленоглазых такси, о каменных глыбах, о мелких камешках. Иногда адресат любви как бы отсутствует, как бы не вписывается в тему. Но всякий раз это оказывается обманом зрения.

Созвонятся парни на неделе
И зайдут, как будто врозь.
Парни любят говорить о деле,
Если к случаю пришлось...

Они разговаривают, она не мешает. Они разговаривают, она жарит им картошку. Еще сто раз готова жарить. “И восходят от моей Неглинной вертикальные пути”.

Что за вертикальные пути? О чем вообще эта песня?

Она о любви, только о ней. Неглинная здесь ничего не символизирует, это просто реальное место жительства, частный случай.

Пути, возможно, потому вертикальные, что Он рисует горы. Возможно, парни приходят к ней потому, что они приходят к Нему обсудить маршрут.

А может быть, и нет. У них какие-то дела, их собственные. У нее к этим делам свое частное отношение, замешанное на любви к Нему. Нам досталась правда чувства — и спасибо, остальное нас не касается.

Мой друг рисует горы,
Далекие, как сон,
Зеленые озера
Да черточки лесов.
А рядом шумный город
Стеной со всех сторон.
А друг рисует горы,
Далекие, как сон.

Мой друг — он друг отвесным
Холодным ледникам,
Он друг отважным песням
Да редким маякам.
Он любит горный ветер,
Раздумья до зари.
Он любит горы эти
Товарищам дарить.

И в ясный день, и в горе
Упрямо верит он,
Что есть на свете горы,
Далекие, как сон.
Мой друг мне тем и дорог,
Что днем и ночью он
Возводит к небу горы,
Далекие, как сон.